Анатолий ДОМБРОВСКИЙ

НЕ ВСПОМНИМ — НЕ СПАСЕМСЯ

(Интервью Валентина КОЗУБСКОГО)

— Анатолий Иванович, предлагаю вам поговорить о будущем, понимая, что оно неразрывно связано с нашим прошлым и днем сегодняшним. Вы — писатель. По нынешним меркам профессия эта явно не в моде, как и другие гуманитарного характера. Где тот предел деградации общества, в котором Учитель, Философ, Писатель не востребованы?

— Предела деградации, вырождению, как и предела совершенствованию, нет. Поэтому говорить о какой-то точке, — временн**о**й или качественной, после которой люди спохватятся, вспомнят о мудрости и красоте, — не приходится. Я вообще не стал бы говорить о деградации. Категория эта довольно сложная и включает в себя оценочный момент: дескать, было лучше, а вот теперь — хуже. Но вот что совершенно очевидно — подмена или замена ценностей. Тут со всей определенностью, можно говорить, что наши потребности все более и более ограничиваются сферой материального потребления. И происходит это не по нашему желанию, не по нашей воле, а по причине разорения хозяйства и страны. Материальная нужда отнимает у нас все силы. Большая часть народа лишилась не только материальной основы существования, но и надежд. Народного государства, о котором мы мечтали, не получилось. Идеология рыночных отношений — это идеология борьбы не на жизнь, а на смерть за материальное выживание.

Нравственные и эстетические ценности в этой борьбе востребованы быть не могут. Богатые люди будут тратить свой досуг, как правило, на забавы, наслаждения и удовольствия. Бедные люди никакого досуга, кроме обморочной усталости, не получат. В лучшем случае, у них хватит сил на «балдеж» — одурманивающие (чтоб забыть об этой проклятой жизни) развлечения. Это уже наше настоящее. Но еще более — будущее. В это будущее мы летим, как камень в пропасть. И тут говорить о возвышении человеческих потребностей просто неуместно, Да и никто, кажется, об этом уже не говорит. Литература, искусство, наука создаются в той среде, где много обеспеченного досуга, и потребляются в той среде, где таковой досуг имеется. Я подчеркиваю: нужен не просто досуг, как, скажем, у безработного или больного, а обеспеченный досуг — обеспеченный здоровьем, покоем, уверенностью в будущем, защищенный законом и общественным мнением. У кого теперь есть такой досуг? Нет его ни у писателей, ни у читателей, ни у музыкантов, ни у слушателей. Ни у кого. Одна мысль и одна забота пожирают все наше время, и, стало быть, всю жизнь — мысль и забота о хлебе насущном.

— Наше общество за короткий период, помимо классовых ценностей, «усвоило» и общечеловеческие. Сейчас мы «проходим» национальные. Какие ценности предстоит освоить в ближайшем будущем?

— Давайте сразу же договоримся, что ценности это принципы, которые мы кладем в основание нашей жизни, личной и общественной. Система ценностей называется идеологией. В настоящее время у нас нет единой идеологии, чего, впрочем, и раньше не было. Была государственная идеология, которую многие разделяли, и были ценности, которые мы исповедовали независимо от государственной идеологии. Это так называемые общечеловеческие ценности, а на самом деле — естественные нравственные императивы: не убей, не укради, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, возлюби ближнего, не плюй в колодец, не копай другому яму, уважай стариков, не издевайся над слабым, не завидуй чужой славе и чужому богатству, не суйся в чужой монастырь со своим уставом... Разве мы не прививали эти принципы своим детям?

Мы называем эти принципы общечеловеческими, потому что они не являются ни классовыми, ни национальными, ни еще какими-либо, а присущи всем людям, которые хотят жить в безопасном для себя человеческом окружении. Теперь говорят: вот мы отказались от классовой идеологии и возвращаемся к общечеловеческим ценностям. Мне думается, что с общечеловеческими ценностями мы никогда и не расставались. Они всегда были с нами.

Что же касается классовой (пролетарской или марксистской) идеологии, то мы отказались от нее в качестве государственной идеологии, но расстались ли по существу? Классы придумали не Маркс и не Ленин Они, увы, существуют объективно. А теперь, когда наше общество резко расслаивается на богатых и бедных, на обеспеченное меньшинство и необеспеченное большинство, — вряд ли нам удастся избавиться от классовой идеологии. И значит, общечеловеческие принципы не будут действовать во взаимоотношениях между богатыми и бедными: сытый голодного не разумеет, гусь свинье не товарищ, грабь награбленное и так далее. Не правда ли? Избавиться от классовой идеологии можно, лишь избавившись от классов. Ну, хорошо, не от классов, а от различных социальных групп, как теперь принято выражаться, различных по своему отношению к собственности на орудия и средства производства, по своим правам на долю общественного продукта. Коммунисты попытались ликвидировать классы, но у них не получилось. Теперь же о таких намерениях и речи нет. С нами классовая идеология, господа, с нами! Теперь-то уж как раз с нами.

Я не стал бы говорить о национальных ценностях. Разумеется, они существуют и всегда существовали. Были попытки вытравить их, не спорю. Но вытравлялись они не столько потому, что национальные, а потому, что в них таилась возможность национализма. И вот стоит поговорить о националистических ценностях, если такое словосочетание допустимо. Национализм в своем крайнем выражении — а он только в этом направлении и может развиваться: от стыдливого к махровому — отвергает все другие ценности, вернее, отменяет их действие там, где речь заходит о людях другой национальности и вообще о других нациях. По отношению к инородцам национализм разрешает все, что запрещено по отношению к соплеменникам. Будучи возведенным в ранг государственной политики, национализм приводит к фашизму…

Вы спрашиваете, что на очереди, каким ценностям мы будем отдавать предпочтение в будущем? Хотелось бы, чтобы такой ценностью стало для нас благоразумие, которое заключается, прежде всего, в том, что человек сознательно ограничивает себя в отношениях с другими людьми. Увы, благоразумие приходит к нам поздно, после длительных и тяжелых испытаний. Политикам же оно, кажется, вообще не свойственно. И, стало быть, наше будущее я связываю с тем, что несовместимость различных ценностей, которыми обременено наше общество, приведет нас к жестоким идеологическим схваткам.

— Сегодня партии, движения разных оттенков заявляют о своем стремлении к межнациональному согласию в Крыму. Но подходы при этом взаимоисключающие, и противоречия ничем не снимаются. Каким вы видите механизм разрешения взрывоопасный ситуации?

— Говорят, что запретом ничего не удается добиться, Мне думается, что это одна из лжеистин, которыми так изобилуют сейчас речи многих горе-демократов. Обратите внимание на библейские заповеди — они едва ли не все запретительного характера… Законы государства тоже основываются большей частью на запретах. Демократия не может быть беспредельной свободой уже хотя бы потому, что это власть. Власть народа, но власть. Власть во всех случаях является насилием над устремлениями лиц, групп, классов, наций, территорий и так далее, направленным против благополучия общества в целом.

В регулировании межнациональных отношений, конечно же, должны быть использованы все те факторы, которые объединяют людей: общее ведение хозяйства, общая забота о безопасности, культуре, науке… Оно должно поощряться всеми способами, какие только доступны государству. Но одновременно с этим должна действовать четкая система запретов: никаких преимуществ по национальному признаку, никаких льгот, никаких особых прав. Что запрещено для одного народа, то запрещено и для всех других. Что разрешено для одного народа, то разрешено и для всех других. Никто не лучше и никто не хуже. Нынешние поколения не отвечают за действия предыдущих. Скорее прошлые поколения повинны во многих наших нынешних бедах, но они уже неподсудны. Эти запреты должны быть клятвенно приняты всеми народами, если они действительно хотят жить вместе на одной земле. Нарушение запретов должно быть наказуемо.

— Не будет открытием, если я скажу, что большинство регионов бывшего Союза сегодня имеет ярко-выраженных лидеров. У нас же их несколько, и каждый со своей «командой». Каким должен быть лидер, способный объединить большинство крымчан?

— Ни одна нынешняя республика, ни одно независимое государство не включает в свое название слово «народное». А между тем лидеры этих государств не устают говорить о демократии. Во времена Перикла государственное устройство Афин называлось демократией. Суть демократии состояла в том, что свободные афиняне избирали на один год девять архонтов, которые управляли различными делами государства, постоянно советуясь по важнейшим вопросам на народных собраниях. У афинян были

свои партии, свои вожди. Но пятнадцать лет подряд они непременно избирали Перикла, потому что из всех вождей и ораторов он был мудрейшим. Итак, Афинами управлял народ, а учителем народа был Перикл. Учителем, а не тираном. Время Перикла, как утверждают историки, было временем расцвета афинской демократии.

Хорошо бы нам иметь сегодня такого лидера, как Перикл. Хорошо бы, если бы наш народ действительно участвовал в управлении государством, а не через депутатов, которые уже на другой день после избрания, забыв о нуждах народа, разбегаются по партийным фракциям. И еще я был бы искренне рад, если бы ни партийные, ни национальные лидеры не получали в государственных органах ключевых постов и, таким образом, не извращали бы по причине своей ангажированности волю народа. Такое положение хорошо бы закрепить в Конституции. Главою же государства должен быть неподкупный, не поддающийся чужому влиянию, независимый и мудрейший сын народа — человек, стоящий вне партий, вне всяких групповых интересов.

— И такой человек найдется?

— Сам не придет. Кто рвется к власти сам, того нельзя подпускать к ней на пушечный выстрел. Неподкупного и независимого к власти надо привести, власть ему надо вручить, как тяжкую ношу в надежные руки. К сожалению, разорванный на части, озлобленный и сбитый с толку народ к этому не способен.

— Анатолий Иванович, кто герой ваших будущих литературных произведений?

— Герои моего будущего романа — он называется «Черный плащ для Перикла» — Перикл, Фидий и Сократ, то есть: великий государственный деятель, великий скульптор и великий мыслитель. Их объединяла любовь к отечеству, их вдохновляла и звала на подвиги эта любовь. Все великое рождается из этой любви. Мы, кажется, забыли об этом. Не вспомним — не спасемся.

Симферополь.1993.